

Къ вопросу о законѣ развитія.

Въ одной статьѣ, имѣющей такое заглавіе: *Vorbemerkungen zu einer „Allgemeinen Entwicklungsgeschichte“*, философскаго журнала *Archiv für Philosophie* (XI Bd., Heft. 2, 1905), въ самомъ началѣ вотъ что сказано: „Уже полтора ста лѣтъ протекло, какъ стала появляться въ свѣтъ энциклопедія Дидро, Даламбера и ихъ сотрудниковъ — Руссо и Вольтера, несравненный памятникъ свободнаго отъ предразсудковъ изслѣдованія. Съ того времени наука, освобожденная отъ трансцендентныхъ представленій, особенно во второй половинѣ протекшаго столѣтія, поднялась на такую высоту, о какой нельзя было мечтать.

Но среди великихъ пріобрѣтеній оказались пробѣлы, и это послужило основаніемъ для реакціоннаго движенія. Начато было это движеніе, съ одной стороны, врагами науки, а съ другой, тѣми учеными, которые, въ досадѣ на то, что не всѣ загадки были разрѣшены, оставили путь, приведшій уже къ разрѣшенію столь многихъ и значительныхъ задачъ. Последніе, сами того не вѣдая, работали въ руку первыхъ, когда вводили въ науку такіа ненаучныя понятія, какъ жизненная сила, потенціи развитія и под.

Приверженцы принципа эволюціи, конечно, не считаютъ правильными во всѣхъ подробностяхъ космологическую теорію Канта и Лапласа о развитіи, біологическую теорію Дарвина и Геккеля, философскую теорію Конта и Спенсера, но они не сомнѣваются, что путь къ истинѣ можно найти только

идя по слѣдамъ Канта и Лапласа, Дарвина и Геккеля, Конта и Спенсера. Какъ ни велики пробѣлы нашего эволюціоннаго начертанія міра, они могутъ быть восполнены въ будущемъ единственно на основаніи принципа эволюціи, а потому допущенію другихъ принциповъ слѣдуетъ рѣшительно противиться, какъ для науки бесполезному и даже вредному.

Къ попятному движенію въ наукѣ присоединяется еще превосходящее всякую мѣру раздробленіе научныхъ силъ. Ученые и ихъ ученики все больше погружаются въ частичныя изысканія, а чрезъ то наше время постепенно лишается способности имѣть единое всеобъемлющее міросозерцаніе. А вѣдь только на основаніи единящаго научнаго міросозерцанія можно перебросить мостъ надъ пропастями, раздѣляющими народы, достижимо объединеніе человѣчества въ человѣчности,—что составляетъ общую цѣль всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ нашего времени, каковыми въ первой линіи являются друзья мира и возвышенной этической культуры, борцы за освобожденіе отъ клерикализма и за социальную справедливость.

Чтобы сдѣлать возможнымъ такое единящее научное міросозерцаніе на основаніи, свободнаго отъ предразсудковъ, изслѣдованія, съ необозримыми благотворными его послѣдствіями для нашего времени, нужно создать новую энциклопедію подъ заглавіемъ *всеобщая исторія развитія*. Этимъ названіемъ обозначается не словарь, а систематическое изложеніе важнѣйшихъ наукъ съ точки зрѣнія эволюціонной, которое должно быть выполнено учеными разныхъ странъ. Задача таковой энциклопедіи—начертать исторію міра и человѣка въ прошедшемъ, настоящемъ и, по возможности, въ будущемъ: изобразить постепенное происхожденіе ихъ, развитіе до высшей точки, слѣдующее за тѣмъ омертвѣніе и, наконецъ, медленное разрушеніе. Она должна попытаться прекратить существующіе донинѣ безпорядокъ и разбросанность человѣческаго знанія, съ этою цѣлью объединивъ и

упорядочивъ важнѣйшія науки, образовавъ изъ нихъ какъ бы центральную массу, имѣя въ виду присоединеніе къ этой массѣ и другихъ наукъ въ качествѣ отдѣльныхъ членовъ связной системы. Осуществленіе такой цѣли должно получиться чрезъ двоякое примѣненіе *принципа развитія*, а именно — въ качествѣ основанія, съ одной стороны, для изложенія каждой отдѣльной науки, а съ другой — для общаго раздѣленія наукъ.

Въ философскомъ отношеніи новая энциклопедія должна быть далека и отъ *матеріализма*, не признающаго абсолютнаго своеобразія процессовъ сознанія, какъ равно и отъ *идеализма*, который сомнѣвается въ дѣйствительности процессовъ движенія. Тенденціямъ ея всего лучше соотвѣтствовалъ бы осмотрительный *реализмъ*, который, съ точки зрѣнія *гносеологической*, признаетъ первенство сознанія (пріоритетъ), а съ точки зрѣнія *онтологической* — первенство бытія. Для насъ міръ данъ въ нашей головѣ, но самая голова находится въ мірѣ. Изъ всѣхъ гипотезъ наиболѣе вѣроятною для умѣреннаго реализма представляется та, что космологическіе процессы, химическіе и физическіе предшествовали біологическимъ и только какъ входящій въ ихъ составъ частичный процессъ произошло наше сознаніе и все вообще человѣческое сознаніе. Естество-научныя основныя понятія, какъ, напр., атомы, осторожный реализмъ принимаетъ за символическія, но не можетъ отказаться отъ таковыхъ при построеніи единаго міросозерцанія“.

Вотъ какое важное значеніе усваивается теперь идеѣ развитія. Требуется, чтобы это, а не иное понятіе, было положено въ основу всего научнаго міросозерцанія нашего времени. И дѣйствительно, это понятіе является въ настоящее время господствующимъ и въ наукѣ, и въ жизни. Слѣдуетъ, поэтому, обратить вниманіе на то, какъ сложилось это много-

объемлющее понятіе въ современномъ его смыслѣ и значеніи, насколько оно правильно понято въ разныхъ ученіяхъ, какъ обычно понимается и какъ это обычное пониманіе его отражается въ жизни, насколько оно правильно, и не слѣдуетъ ли въ чемъ-либо исправить его и дополнить, вообще измѣнить? Впрочемъ, хотя бы по возможности уяснить смыслъ идеи развитія, дабы употреблялась она болѣе или менѣе съ должнымъ разумѣніемъ,—и это уже немаловажная задача.

Что разывается развитіемъ? Гдѣ нѣтъ никакой перемѣны, тамъ развитія нѣтъ. Поэтому развитію противопоставляется застой, неподвижность, мертвенный покой, словомъ отсутствіе всякой перемѣны. Итакъ, развитіе въ томъ только случаѣ имѣется, когда замѣчается нѣкоторая перемѣна. Но всякая ли перемѣна есть развитіе? Положимъ, разрушено зданіе, даже много зданій, бурей, землетрясеніемъ. Перемѣна здѣсь есть, и не маленькая, но никто не назоветъ такую перемѣну развитіемъ. Перемѣна эта состоитъ въ разрушеніи, а развитіе есть перемѣна творческая, созидательная. Разрушеніе происходитъ иногда очень быстро, даже мгновенно. Землетрясеніе въ нѣсколько минутъ можетъ разрушить цѣлый городъ. Можно, правда, довольно быстро построить городъ, а все же не такъ быстро, какъ разрушить; но главное то, что городъ быстро построенный является произведеніемъ искусственнымъ, ибо естественный ростъ городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ происходитъ медленно. Тамъ, гдѣ совершается дѣйствительное созиданіе (созиданіе, творчество разумѣется здѣсь въ смыслѣ условномъ, въ смыслѣ преобразованія или новообразованія), при участіи естественныхъ силъ природы, развитіе является такого рода измѣненіемъ, которое осуществляется медленно: не скоро растетъ дерево; животное также возрастаетъ и образуется постепенно и медленно; когда дитя быстро развивается, то это считается нехорошимъ признакомъ... Если же только медленно,

происходящую переменѣ слѣдуетъ считать признакомъ развитія, то это значитъ, что собственно подъ названіемъ развитія разумѣется *цѣльный рядъ переменъ*, тѣсно между собою связанныхъ. Человѣкъ, когда растетъ, то проходитъ рядъ возрастовъ: младенчество, дѣтство и т. д. Ясно, что на развитіе должно смотрѣть, какъ на единый связанный и постепенно совершающійся процессъ.

Всякій сложный и медленный процессъ, само собою разумѣется, имѣетъ опредѣленные *начало* и *конецъ*. Это важнѣйшіе моменты или части процесса. Посему для характеристики процесса служить то, что обращается главное вниманіе либо на начальный, либо на конечный пунктъ процесса. Пусть будетъ обращено вниманіе на конецъ процесса; какое получится въ этомъ случаѣ новое опредѣленіе, служащее къ уясненію того процесса, который называется развитіемъ? Когда человѣкъ задумываетъ какое-либо дѣло, требующее для своего исполненія много времени, то мысль его останавливается обыкновенно на концѣ дѣла; не даромъ говорится: конецъ—дѣлу вѣнецъ; дѣло не доведенное до благополучнаго конца и брошенное на половинѣ, или въ началѣ, все равно, что не начато,—даже было бы лучше его вовсе не начинать,—такъ бываетъ иногда. Конецъ, завершеніе дѣла, пока еще мыслится, но въ исполненіе не приведено, называется *цѣлью*: всякое дѣло мы предпринимаемъ, имѣя въ виду известную цѣль; это значитъ, что цѣль въ развитіи всякаго дѣла мы признаемъ важнѣйшимъ моментомъ, а потому и самое развитіе понимается, какъ процессъ осуществленія известной цѣли. Цѣль имѣетъ важное господственное значеніе не только въ человѣческихъ дѣлахъ, но и въ процессахъ природы, какъ только процессы эти совершаются при участіи *человѣка*; садовникъ сколько прилагаетъ стараній, чтобы довести ростъ плодовыхъ деревьевъ до благополучнаго конца, т. е. чтобы получить отъ нихъ плоды. Но природа, предоставленная самой себѣ, можетъ ли задаваться ка-

кими-либо цѣлями, дѣйствовать по плану, когда образуетъ роды и виды растительныхъ и животныхъ организмовъ? Это правда, что въ устройствѣ органическихъ тѣлъ замѣчается всегда нѣкоторый планъ, порядокъ расположенія частей и правильное согласованіе ихъ въ цѣломъ. До такой степени замѣчательна эта правильность, что человѣкъ, не будучи въ состояніи ничего лучшаго придумать, является только *подражателемъ* природы въ искусственномъ, напр., произведеніи цвѣтовъ, въ изображеніи животныхъ, растений, а тѣ, которые изучаютъ во всѣхъ деталяхъ устройство организмовъ, удивляются замѣчательно тонкому, недостижимому для человѣческаго искусства, едва уловимому даже для познанія, отчасти-же и вовсе недоступному для человѣческаго познанія мастерству природы въ строеніи и расположеніи самыхъ мелкихъ частицъ въ сложномъ до крайности составѣ организмовъ. И тѣмъ не менѣе странно представить себѣ, что природа размышляетъ, придумываетъ для своихъ дѣйствій и произведеній планъ и исполняетъ задуманное, хотя отъ подобнаго антропоморфизма всегда было трудно человѣку отрѣшиться въ своихъ представленіяхъ о природѣ. Антропоморфизмъ въ представленіяхъ о природѣ обыкновенно считается слѣдствіемъ и проявленіемъ невѣжества. Но это объясненіе антропоморфизма поверхностное и недостаточное, какъ это видно изъ того, что сами естествоиспытатели философствующіе не затрудняются атомамъ—воображаемымъ частицамъ матеріи приписывать сознаніе, душу. Быть можетъ природа только слѣпо исполняетъ то, что ей предназначено инымъ дѣятелемъ, не тождественнымъ съ природою, а подобнымъ человѣку, только болѣе могущественнымъ. Если предположить, что цѣли для дѣйствій природы предназначены иною высшею силою; въ такомъ случаѣ, какъ мы должны понимать эти цѣли? Когда человѣкъ задается какою-либо цѣлью, то всегда эта задуманная имъ цѣль представляется для мысли въ видѣ *неподвижной точки*, а самое

исполненіе дѣла состоитъ въ томъ, что онъ медленно, но неуклонно подвигается къ этой неподвижной точкѣ, когда же дошелъ до нея, и дѣло исполнено, человѣкъ успокаивается, чувствуетъ довольство. Допустимъ, что есть въ природѣ цѣли. Очевидно, и здѣсь эти цѣли мы должны мыслить, какъ неподвижныя и неизмѣнныя точки въ ряду перемѣнъ природы. Дѣйствительно, существовала увѣренность, что такими неизмѣнными и неподвижными точками для природы служатъ *формы* или иначе *типы* организмовъ, ибо мы видимъ, что отдѣльные представители (индивидуумы) какого-либо вида рождаются и умираютъ, а форма неизмѣнно повторяется и остается все тою же. Теперь распространено противное такой увѣренности мнѣніе, и даже признается научно-установленной истиной, что видовыя формы организмовъ также измѣняются. Послѣ извѣстныхъ изслѣдованій Дарвина считается вполнѣ доказаннымъ, что формы организмовъ вовсе не остаются неподвижными и неизмѣнными точками въ ряду перемѣнъ органической природы. По ученію Дарвина, органическія формы, при ближайшемъ, т. е. научномъ ихъ разсмотрѣніи, сами разлагаются на ряды перемѣнъ, совершающихся правда съ крайнею медленностію, тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ. Согласно съ этимъ ученіемъ Дарвина развитіе понимается теперь, какъ *измѣняемость формъ*, и это есть то, что подразумѣвается подъ названіемъ *эволюціи*. Эволюція состоитъ въ преобразованіи формъ, въ переходѣ изъ одной формы въ другую.

Безспорно, ученіе Дарвина произвело огромное вліяніе на умы, но, какъ многіе полагаютъ, не столько созидательное, сколько разрушительное, такъ что это еще вопросъ — слѣдуетъ ли поставить ученіе Дарвина въ ряду научнаго развитія, или же оно представляетъ собою временное разстройство этого развитія, обходное движеніе: вѣдь правильнаго стройнаго развитія безъ задержекъ, обходовъ, уклоненій нигдѣ, а тѣмъ болѣе въ наукѣ, не бываетъ. Что касается

вліянія на умы ученія Дарвина, то прежде всего важно отмѣтить вотъ какое послѣдствіе этого вліянія. Насколько прежде главное значеніе во всемъ придавалось формальному элементу, теперь въ такой же мѣрѣ повсюду оказывается пренебреженіе къ этому элементу, даже тамъ, гдѣ несомнѣнно формальное начало имѣетъ важное значеніе,—напр., въ наукѣ, въ искусствѣ, въ обученіи. Но это послѣдствіе отдаленное, для котораго могутъ быть указаны иныя причины. Важнѣе для нашей цѣли указать на ближайшій результатъ или выводъ ученія Дарвина. Если формы органическія нельзя признать цѣлями, то значить въ природѣ вообще не существуетъ цѣлей; въ такомъ случаѣ нѣтъ и цѣлесообразности, Одно съ другимъ связано: съ одной стороны, цѣль, а съ другой, стремленіе сообразовать съ цѣлью свои дѣйствія. Если нѣтъ цѣлей, то, конечно, не существуетъ въ природѣ и стремленія сообразовать съ какою-либо цѣлью происходящія въ ней перемѣны, т. е. нѣтъ *цѣлесообразности*.

Впрочемъ, для нѣкоторыхъ даже естествоиспытателей. вопросъ о цѣлесообразности въ природѣ представляется особымъ самостоятельнымъ вопросомъ, вовсе независящимъ отъ того доказалъ Дарвинъ или не доказалъ измѣняемость видовъ. Такіе сомнѣвающіеся естествоиспытатели,—сомнѣвающіеся въ томъ значеніи, какое придаютъ теоріи Дарвина, рассуждаютъ такъ: если нѣтъ въ природѣ цѣлесообразности, въ такомъ случаѣ то удивительное устройство организмовъ, на которое выше указано, есть дѣло случая; оно произошло само собою, безъ всякаго съ чьей-либо стороны намѣренія произвести именно такое, а не иное устройство организмовъ; не намѣренно значить случайно. Дѣйствительно, Дарвинъ самъ долженъ былъ признать случайнымъ первоначальное возникновеніе всякаго видового отличія, происходящее обыкновенно въ видѣ нѣкотораго уклоненія отъ существовавшаго типа у кого-либо изъ представителей этого типа;—предположимъ, напр., что тѣ животныя, которыхъ природа надѣлила

рогами, вначалѣ не имѣли роговъ; случайно появились у нѣкоторыхъ первые зародыши роговъ; отъ употребленія эти, случайно появившіяся орудія борьбы, стали развиваться, расти, а законъ наслѣдственности сдѣлалъ остальное, т. е., упрочилъ обладаніе ими въ потомствѣ... Новѣдъ это значитъ слишкомъ много предоставить на долю случая. Итакъ, существуетъ ли въ природѣ цѣлесообразность, это и для естествоиспытателей—вопросъ еще спорный, и не считается рѣшеннымъ.

Для насъ же несомнѣнно, что теорія Дарвина на самомъ дѣлѣ не обходится безъ мысли о цѣлесообразности въ природѣ. Всякое живое существо можетъ существовать только въ извѣстной средѣ; для всѣхъ вообще такую средою служить природа, данныя на землѣ условія жизни, въ частности, напр., рыбы живутъ въ водѣ, птицы въ воздухѣ и на землѣ, и еще частіе въ лѣсахъ, на поляхъ, въ садахъ и т. д. Чтобы живое существо могло сохранять свою жизнь, существовать, необходимо для него *приспособленіе* къ средѣ, а приспособленіе есть уже выраженіе цѣлесообразности. Приспособленіе—это есть добываніе пищи, устройство помѣщенія для себя и потомства, приобрѣтеніе средствъ защиты противъ стихійныхъ вѣдѣній природы, а также противъ нападенія враговъ; а развѣ всѣ такія дѣйствія, будутъ ли они сознательными или безсознательными, не имѣютъ характера цѣлесообразности? Этого мало. Дарвинъ прямо говоритъ объ *усовершенствованіи* органическихъ формъ. Измѣняемость формъ органическихъ онъ понимаетъ какъ постепенное усовершеніе ихъ; при этомъ важное значеніе въ процессѣ усовершенія, какъ извѣстно, придаетъ такъ назыв. *естественному подбору*. По теоріи Дарвина природу можно сравнить съ дальновиднымъ хозяиномъ, который хочетъ получить лучшую породу какихъ-либо домашнихъ животныхъ, и вотъ тѣ экземпляры этихъ животныхъ, отъ которыхъ онъ ожидаетъ улучшеннаго потомства, онъ сохраняетъ и отдѣ-

ляется отъ другихъ. Если природа это дѣлаетъ, то значить въ природѣ есть цѣлесообразность, ибо очевидно, что, при искусственномъ подборѣ, съ которымъ у Дарвина сравнивается естественный подборъ, выдѣленіе и сохраненіе лучшихъ экземпляровъ дѣлается намѣренно, съ расчетомъ. Положимъ, что въ теоріи Дарвина усовершеніе органическихъ формъ отождествляется съ процессомъ приспособленія, а не отдѣляется отъ него, но все же и процессъ приспособленія, какъ бы ни толковать его, есть выраженіе цѣлесообразности.

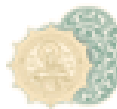
Все это свидѣтельствуетъ о недостаточной выдержанности мысли у Дарвина, объ отсутствіи строгой послѣдовательности. Какъ сказано было выше, развитіе есть процессъ, имѣющій начало и конецъ, и для истолкованія этого процесса большую важность имѣетъ то,—обращается ли главное вниманіе на начальный моментъ или же на конечный пунктъ развитія. Дарвину предстояло рѣшить вопросъ о происхожденіи видовъ. Происхожденіе—это исходный пунктъ развитія, то, съ чего процессъ развитія начинается. Слѣдовательно, Дарвину надлежало все вниманіе сосредоточить на этомъ начальномъ пунктѣ. Но нерѣшительность его въ этомъ случаѣ проявилась въ томъ, что онъ совсѣмъ оставляетъ своего читателя въ неизвѣстности, какъ онъ думаетъ о происхожденіи жизни на землѣ, какіе организмы онъ признаетъ первобытными. Говоря же о приспособленіи, о подборѣ, онъ, очевидно, вниманіе свое направляетъ на конечный пунктъ развитія; итакъ, мысль его нерѣшительно направляется то въ одну, то въ другую сторону. Если нѣтъ цѣлей и цѣлесообразности въ природѣ, то незачѣмъ было говорить объ усовершенствованіи видовъ, ибо понятіе объ усовершенствованіи заставляетъ различать лучшихъ отъ худшихъ, болѣе совершенныхъ отъ менѣе совершенныхъ; при серьезномъ же отрицаніи цѣлесообразности, слѣдовало бы только ограничиваться указаніемъ на факты, что въ борьбѣ за существованіе такіе то виды одержали верхъ надъ другими, имѣли *успѣхъ*. Развѣ

можно назвать приспособленіе къ условіямъ усовершенствованіемъ? Напротивъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ у нашихъ крестьянъ существуютъ лошади, рогатый скотъ, болѣе совершенныя породы не могли бы существовать. Дѣло въ томъ, что Дарвинъ не былъ философомъ. Привести въ порядокъ его мысли, исправить и дополнить оказалось возможнымъ только при содѣйствіи во многомъ родственнаго съ нимъ по своимъ воззрѣніямъ *Спенсера*.

Спенсеръ, дѣйствительно, главное вниманіе обращаетъ на начальный пунктъ развитія и сообразно съ тѣмъ устанавливаетъ и самое понятіе о развитіи. У него мы видимъ серьезную попытку отдѣлаться отъ всякой мысли о цѣлесообразности въ природѣ (хотя, какъ увидимъ, это не удалось Спенсеру, да и не могло удасться, ибо мысль о цѣлесообразности есть необходимая).

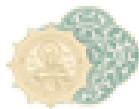
Съ чего начинается развитіе? Всегда начинается оно съ *простого* сравнительно съ дальнѣйшимъ теченіемъ его. Сравнительно простое постепенно усложняется, дѣлается все болѣе и болѣе сложнымъ, и въ этомъ состоитъ, по Спенсеру, процессъ развитія. У насъ (въ ученыхъ и философскихъ статьяхъ), когда разсуждаютъ о развитіи, то употребляютъ безразлично всякіе термины: и *усложненіе*, и *приспособленіе*, и *подборъ*. Между тѣмъ, понятіе развитія получаетъ различное значеніе и смыслъ въ зависимости отъ того, какой признакъ берется преимущественно во вниманіе. Наиболѣе распространенное теперь пониманіе развитія,—обозначаемое терминомъ—*эволюція*—есть то, которое установлено Спенсеромъ и важнѣйшій признакъ развитія полагаетъ въ процессъ *усложненія*. Важно то, что развитіе при такомъ его пониманіи, получаетъ значеніе *общемирового закона*: вѣдь усложненіе вездѣ происходитъ—не только въ органической природѣ, но и въ природѣ неорганической, не только въ области явленій жизни, но и въ мертвой природѣ. Представимъ себѣ разсѣянное состояніе матеріи: атомы соединяюг-

ся между собою и образуютъ *молекулы*, изъ молекулъ состоятъ простыя тѣла; изъ простыхъ тѣлъ образуются болѣе или менѣе сложные соединенія. Наиболѣе сложное химическое соединеніе представляетъ собою *протоплазма*; изъ протоплазмы состоятъ простѣйшіе организмы, такъ называемые одноклѣточные, или просто клѣтки. Изъ клѣтокъ—образованы ткани; изъ тканей—органы и системы органовъ, далѣе въ порядкѣ усложненія слѣдуютъ организмы и ихъ сочетанія въ видѣ обществъ.—Итакъ, вездѣ мы видимъ процессъ усложненія. Это и есть *эволюція*. Спенсеръ подробно объясняетъ какъ происходитъ самое усложненіе. Сейчасъ приведенные примѣры усложненія представляютъ собою процессъ *интеграціи*, или *интегрированія*, т. е. образованіе цѣлаго изъ разрозненныхъ, отдѣльныхъ частей. Совмѣстно и одновременно съ этимъ процессомъ происходитъ обратный процессъ *раздѣленія* цѣлой массы на подчиненныя цѣлому и соподчиненныя другъ другу отдѣльныя части цѣлаго. Это такъ называемая *дифференціація*. Этотъ процессъ заслуживаетъ особаго вниманія по своему значенію для установленія понятія объ эволюціи или развитіи. Дѣло въ томъ, что процессъ дифференціаціи происходитъ главнымъ образомъ, можно сказать, почти только въ организмахъ: однородная вначалѣ органическая матерія распределяется по частямъ, образуя ткани и органы; въ зародышѣ живого существа, въ сѣмени, въ яйцѣ, нѣтъ явственнаго раздѣленія на части; но по мѣрѣ того, какъ изъ зародыша развивается живое существо, образуются отдѣльныя части и этотъ процессъ раздѣленія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усложняется. Итакъ, и интеграція и дифференціація равно состоятъ въ *усложненіи*. Изъ этихъ двухъ процессовъ, какъ сказано, особенно важенъ процессъ дифференціаціи. Говори объ этомъ процессѣ Спенсеръ встрѣчается вотъ съ какимъ недоумѣніемъ, дѣйствительно заслуживающимъ особаго вниманія. Дифференціація понимается Спенсеромъ какъ развитіе, или какъ одинъ изъ

процессовъ развитіи. Но вѣдь и болѣзненное разстройство организма, а также разрушеніе по смерти тоже состоитъ въ раздѣленіи цѣлаго на части. Если и это относить къ процессу дифференціаціи, то окажется, что дифференціація состоитъ и въ образованіи живого существа и въ разложеніи его. Чтобы избѣгнуть необходимости подводить подъ одно понятіе и обозначать однимъ названіемъ столь противоположныя вещи, какъ жизнь и смерть, развитіе и разрушеніе, Спенсеръ находитъ нужнымъ точнѣе такъ опредѣлить дифференціацію: она состоитъ въ образованіи не только *разнороднаго изъ однороднаго*, но еще *опредѣленнаго изъ неопредѣленнаго*. Когда происходитъ болѣзненное разстройство, разрушеніе, то получается на мѣсто опредѣленнаго неопредѣленное, беспорядочное, хаотическое. А дифференціація состоитъ именно въ томъ, что изъ неопредѣленной массы, образуется опредѣленное, т. е. *правильно устроенное цѣлое*; это значитъ, что дифференціація состоитъ въ образованіи опредѣленной органической *формы*. Въмѣсто простого усложненія (вѣдь накопленіе массы песку въ одномъ мѣстѣ тоже есть усложненіе), мы теперь имѣемъ процессъ *формирования* подъ названіемъ дифференціаціи. Форма, въ качествѣ цѣли, повидимому, была уже устранена, а теперь она снова оказалась благополучно занимающею свое мѣсто въ понятіи развитія, мѣсто конечной цѣли, такъ какъ къ образованію опредѣленной органической формы направляется процессъ дифференціаціи. Можно, пожалуй, подумать, что это большой важности не имѣетъ: какая бѣда въ томъ, что приходится признать существованіе въ природѣ цѣлесообразности, и если въ качествѣ цѣлей или конечныхъ пунктовъ развитія оказываются органическія формы? Положимъ, по Дарвину, органическія формы измѣняемы; эгитъ, повидимому, отрицается принадлежащее имъ значеніе конечныхъ пунктовъ развитія. Но вѣдь какъ велика измѣняемость органическихъ формъ,—это еще вопросъ не рѣшенный; вѣдь если и про-

исходитъ измѣненіе формъ органическихъ, то съ такою чрезвычайною медленностію, что мы въ правѣ смотрѣть на нихъ какъ на относительно неизмѣнные и постоянные пункты среди всяческихъ перемѣнъ, какъ на такіе пункты, которыя собою означаютъ предѣлы развитія органическихъ формъ. Но надо обратить вниманіе на то, какой, при этомъ взглядѣ на органическія формы, получается выводъ. Если мы признаемъ органическія формы конечными пунктами развитія въ такомъ случаѣ должно допустить существованіе въ природѣ особыхъ началъ, проявляющихъ свою дѣятельность въ образованіи органическихъ формъ и въ сохраненіи ихъ. Начала эти должны быть отличны отъ матеріальныхъ элементовъ; ибо матеріальнымъ элементамъ свойственно только движеніе, состоящее въ перемѣщеніи, а также въ распредѣленіи частицъ, но направленіе ихъ движенія къ опредѣленному неизмѣнному пункту, къ образованію опредѣленной неизмѣнной формы можетъ быть дѣломъ только такого начала, которому свойственно дѣйствовать по идеѣ цѣли, и дѣйстви котораго имѣютъ поэтому характеръ идеальный, состоящі въ цѣлесообразности, т. е. въ соответствии съ идеей цѣли. Такое формальное начало, отличное отъ матеріи, всегда называлось жизненною силой—въ низшихъ организмахъ, особенно же называется *душею*. Однако, если признать существованіе души, какъ особаго начала, отличаго отъ матеріи, то получится метафизика, а вѣдь весь смыслъ эволюціонной теоріи въ томъ и заключается, чтобы устранить метафизику. Слово развитіе потому и было признано неудобнымъ, что въ прежнее время всегда это названіе соединялось съ представленіемъ особаго начала жизненныхъ явленій, такого начала которое одно признавалось способнымъ къ развитію; все матеріальное не развивается, а только перемѣняется: когда напр., теплота или электричество превращается въ механическое движеніе, и обратно—движеніе превращается въ теплоту, въ электричество, или, напр., вода превращается либо въ

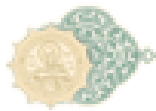
нать, или въ жидкость, или въ ледъ (и вообще всѣ неорганическія тѣла могутъ быть и бываютъ въ различныхъ состояніяхъ агрегаціи своихъ частицъ), то нельзя назвать такихъ перемѣнъ развитіемъ. Развитие—это постепенное и медленное возрастаніе живого существа; при чемъ постепенно образуется опредѣленная форма, по которой мы различаемъ одно живое существо отъ другого. Но живое существо потому только и можетъ развиваться, что въ немъ есть особое жизненное начало, существуетъ въ немъ душа. Вотъ теперь и говорятъ (давно уже это говорятъ), что слова *жизнь*, *душа* лишены всякаго опредѣленнаго значенія; никто не въ состояніи точно опредѣлить, что такое жизнь, душа. И вотъ, чтобы отбросить столь неясныя представленія, а главное чтобы показать, что развитіе вовсе не есть какой-то особый процессъ, отличный отъ всѣхъ иныхъ, чисто матеріальныхъ перемѣнъ, состоящихъ въ движеніи или перемѣщеніи, называютъ *эволюціей* то самое, что прежде называли развитіемъ. Конечно, нельзя же отрицать того, что есть особый разрядъ явленій жизненныхъ и психическихъ. Эволюціонисты, иначе называемые дарвинистами, признаютъ это; но они говорятъ, что вообще перемѣны, происходящія въ природѣ, дѣлятся на разряды или классы: есть явленія *механическія*, *химическія*, *органическія*, *психическія*; но къ этому добавляютъ, что именно только явленія, т. е. *перемѣны*, единственно и подлежатъ нашему изученію, и мы можемъ познавать только законы этихъ явленій; причины же, которыми производится столь разнородныя явленія, намъ неизвѣстны, научному познанію недоступны, а потому мы и не имѣемъ права и основанія разсуждать о какихъ то началахъ, различаемыхъ метафизикой подъ названіемъ матеріи, души, духа. Вотъ почему эволюціонисты, подобно тому какъ слово *развитіе* замѣняютъ словомъ *эволюція*,—не говорятъ о *душѣ*, какъ о чемъ самостоятельномъ, отличномъ отъ тѣла, но замѣняютъ слово душа словомъ *психика*, когда приходится касаться ду-

шевныхъ явленій. Психика—это слово греческое множественнаго числа и есть названіе обозначающее явленія душевныя (феномены), какъ слово физика означаетъ науку о явленіяхъ матеріальныхъ и есть общее обозначеніе этихъ явленій.

Итакъ, въ послѣдующемъ разсужденіи будемъ имѣть это въ виду, что теперь считается не научнымъ говорить о какихъ бы то ни было началахъ, и что кругъ понятій научныхъ долженъ быть ограниченъ *явленіями* и *законами* явленій (есть законы явленій механическихъ, физическихъ, химическихъ, физиологическихъ, психическихъ, общественныхъ). Итакъ, нѣтъ цѣлесообразности въ природѣ, а есть только явленія, которыя кажутся цѣлесообразными (при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ этотъ призракъ исчезаетъ); нѣтъ души, а есть только явленія душевныя. Вотъ истинно научныя положенія: такъ думаютъ эволюціонисты.

Теперь, когда мы знаемъ, въ чемъ сущность эволюціонной теоріи, посмотримъ, какъ примѣняется въ разныхъ случаяхъ и къ чему приводитъ разнообразное примѣненіе этой теоріи.

Процессъ эволюціи состоитъ въ постепенномъ усложненіи. Но слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ этимъ признакомъ эволюціи удерживать еще и другой признакъ, указываемый Дарвиномъ, именно усовершеніе, совершенствованіе? То правда, что усложненіе вездѣ мы видимъ, и въ природѣ неорганической; ибо есть здѣсь тѣла и состоянія тѣлъ различной степени сложности, но странно прилагать мысль объ усовершеніи къ природѣ мертвой. Если маленькая кучка песку, нанесеннаго вѣтромъ въ одно мѣсто, превращается дѣйствіемъ той же причины въ огромную насыпь, то здѣсь есть усложненіе, но можно-ли говорить въ настоящемъ случаѣ объ усовершеніи? Повидимому, тамъ только возможно усовершеніе вмѣстѣ съ усложненіемъ, гдѣ происходитъ дифференціація—процессъ распредѣленія и выдѣленія отдѣльныхъ частей въ цѣломъ, какъ такой процессъ, который свойственъ почти только тѣ-

тамъ органическимъ, т. е. живымъ тѣламъ¹⁾). Однако и, по Спенсеру, даже въ тѣлахъ органическихъ, какъ выше показано, не всякое раздѣленіе тѣлаго на части слѣдуетъ называть дифференціаціей; такъ, разложеніе, болѣзненное разстройство, хотя и есть *раздѣленіе* сложнаго и однообразнаго на отдѣльныя и различныя части, но не есть дифференціація. Надо замѣтить, что эволюціонисты большіе любители точности, и это понятно; во всѣхъ своихъ положеніяхъ они опираются на данныхъ изъ области наукъ точныхъ. Но въ настоящемъ случаѣ Спенсеръ допускаетъ большую неточность, можно сказать, произволъ; дифференціація значитъ выступленіе, обнаруженіе разностей, раздѣленіе. Почему же во всѣ случаи раздѣленія Спенсеръ согласенъ обозначать названіемъ дифференціаціи? Дѣло въ томъ, что дифференціація, по теоріи эволюціи, означаетъ развитіе, но странно было бы называть развитіемъ болѣзненное разстройство, разложеніе, разрушеніе. Хотя и говорятъ о развитіи болѣзни, но въ этомъ случаѣ представляютъ болѣзнь въ видѣ живого замодѣствующаго начала—начала болѣзнетворнаго, что на самомъ дѣлѣ и есть, когда болѣзнь происходитъ отъ микробовъ, которымъ, какъ существамъ живымъ, также свойственно развитіе. Итакъ, ясно, что дифференціація—терминъ не точный, ибо дифференціація значитъ раздѣленіе, а раздѣленіе бываетъ то *органическое*, то просто *химическое*.

¹⁾ Процессъ дифференціаціи, по Спенсеру, происходитъ и въ томъ случаѣ, когда изъ разсыпанной массы матеріи, такъ называемой туманности, образуется планетная система. Но дифференціація возможна въ этомъ случаѣ только потому, что соединеніе разсыпанныхъ частицъ матеріи происходитъ слишкомъ медленно, почему одновременно съ интеграціей могутъ происходить и происходить теченія независимыя отъ интеграціи и—что главное—оставляющія послѣ себя прочіе слѣды въ видѣ раздѣленія массы на отдѣльныя части,—на этомъ основаніи планетную систему можно назвать подобіемъ организма, но отсутствію въ ней точно опредѣленной формы

Слѣдовало бы главнымъ признакомъ развитія считать не раздѣленіе, которое бываетъ и при разложеніи, разстройствѣ, а *усовершеніе*, именно постепенное формированіе, болѣе и болѣе ясное выступленіе формы. Но въ такомъ случаѣ развитіе относилось бы только къ живымъ существамъ, а не было бы общемировымъ закономъ; между тѣмъ, такіе признаки, какъ *усложненіе*, раздѣленіе, или соединяя ихъ вмѣстѣ, *усложняющее раздѣленіе*, можно отнести и къ тѣламъ неорганическимъ, а это собственно и важно, когда есть желаніе показать, что нѣтъ существенной разности между живымъ и мертвымъ, органическимъ и неорганическимъ. Такова научная точка зрѣнія. Согласимся и мы считать признакомъ развитія—*усложняющее* соединеніе и раздѣленіе, но только съ добавленіемъ, котораго не могутъ отрицать и эволюціонисты, именно, что усложненіе иногда есть вмѣстѣ и усовершеніе—въ природѣ органической, иногда же—въ природѣ неорганической—оно не есть усовершеніе.

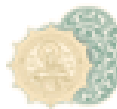
Для насъ да и для эволюціонистовъ, конечно, всего важнѣе приложеніе понятія о развитія къ человѣку, къ жизни человѣческой, а въ этой области явленій дѣйствительно существуетъ стремленіе къ усовершенію. Значить если вмѣстѣ съ эволюціонистами мы должны считать признакомъ развитія—*усложненіе*, будетъ ли то дифференціація или интеграція, то болѣе сложное будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе совершеннымъ. Человѣческій организмъ (главнымъ образомъ, по устройству нервной системы) сложнѣе другихъ организмовъ, потому и совершеннѣе. Но соединеніе людей въ общество еще болѣе сложно, можно сказать, безмѣрно сложнѣе отдѣльнаго человѣка. Итакъ, мы приходимъ къ выводу—имѣя въ виду сложность, какъ признакъ развитія и вмѣстѣ усовершенія,—что общество есть самый сложный и потому наиболѣе совершенный организмъ.

Наука объ общественномъ организмѣ есть *соціологія*. Конечно, и исторія человѣчества, а равно отдѣль-

ныхъ народовъ, также занимается разсмотрѣніемъ общественной жизни, но исторія—наука не точная. Однако и соціологія,—мы должны замѣтить это,—не дала пока никакихъ точныхъ знаній объ общественной жизни, именно о законахъ ея. И самое опредѣленіе общества, какъ наиболѣе совершеннаго организма, хотя и бывшее въ соціологическихъ теоріяхъ въ большомъ употребленіи, теперь самими эволюціонистами подвергается нѣкоторому сомнѣнію, и даже вовсе отрицается, а между тѣмъ, это понятіе объ обществѣ, какъ мы теперь видимъ, состоитъ въ тѣсной и неразрывной связи со всей эволюціонной теоріей; слѣдовало бы подвергнуть сомнѣнію и самую эту теорію, но пока этого нѣтъ. Главное неудобство того опредѣленія общества, о которомъ мы теперь говоримъ, находятъ въ томъ, что отдѣльное лицо, каждый индивидуумъ, при такомъ понятіи объ обществѣ, лишается всякаго самостоятельнаго значенія, есть только членъ, т. е., часть общества, и ничего болѣе. Никогда часть не можетъ быть больше и важнѣе цѣлаго. Согласно съ этимъ теперь вошло въ нравы всякое большинство предпочитать не то что отдѣльному лицу, но даже меньшинству. Исторія однако свидѣтельствуетъ, что могутъ быть отдѣльныя лица столь значительныя, что, по справедливости, ихъ слѣдуетъ поставить выше современнаго имъ общества. Это—великіе люди. На этомъ основаніи такъ называемый индивидуализмъ противъ соціологической теоріи объ обществѣ, какъ совершенномъ организмѣ, возражаетъ, что каждый индивидуумъ имѣетъ право на самостоятельность и свободу въ отношеніи своего общества, что отъ отдѣльныхъ лицъ нельзя требовать во всемъ безусловнаго подчиненія своему обществу. Такая теорія, говорятъ, угрожаетъ отдѣльному лицу утратою имъ всякой личности, угрожаетъ обезличеніемъ, исчезновеніемъ въ массѣ.

Но мы можемъ указать и другое неудобство въ понятіи объ обществѣ, какъ наиболѣе совершенномъ орга-

низмъ,—неудобство, свидѣтельствующее о неудовлетворительности самой эволюціонной теоріи. Неудобство это вотъ въ чемъ заключается. Выше разъяснено, что сложность сама по себѣ не можетъ служить признакомъ усовершенія и нѣкотораго относительнаго совершенства, а только соединится иногда съ относительнымъ совершенствомъ и усовершеніемъ. Значитъ, совершенство какъ явленіе самостоятельное, независимое отъ сложности, должно имѣть свой особый признакъ: признакомъ этимъ въ дѣйствительности оказывается *форма*—элементъ, служащій выраженіемъ единства, цѣльности, индивидуальности. Эволюціонизмъ пренебрегаетъ этимъ признакомъ, какъ неудобнымъ для него, но въ настоящемъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія этотъ признакъ. Имѣетъ ли общество индивидуальную форму? Если оно есть организмъ, то должна быть и органическая форма, принадлежащая обществу человѣческому. Да, общество имѣетъ форму, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть форму; не всякое общество достигаетъ до того, чтобы имѣть форму. Такою формою общественной жизни является *государство*; существуютъ и науки о государствѣ, разсматривающія его съ разныхъ сторонъ,—науки юридическія. Науки эти по самому предмету своему имѣютъ характеръ по преимуществу формальный, и оттого не удовлетворяютъ эволюціонистовъ, которые смотрятъ на юриспруденцію, какъ на устарѣлую форму науки; социологія наука объ обществѣ, а не о государствѣ, должна замѣнить и исторію и юриспруденцію. Теперь спрашивается, какъ смотрѣть на государство, которое есть форма общественной жизни? Есть-ли это форма, создаваемая самой природой, подобно тому, какъ она создаетъ формы растений и животныхъ, или же форму эту изобрѣлъ самъ человѣкъ? Прежде думали, что государство—изобрѣтеніе человѣка: люди заключили между собою договоръ—отказаться отъ произвола и установить власть. Те-

ства. Тѣмъ не менѣ государство не есть произведеніе природы, а установленіе человѣческаго разума, установленіе совершившееся не сразу и произвольно, а медленно, постепенно и съ нѣкоторою только не физическою, а психическою, или точнѣе логическою необходимостію. Это значитъ, что государство было создано душею человѣческою; если бы душа, какъ полагаютъ эволюціонисты, была собраніемъ, сложностію особаго свойства явленій, то она не обладала бы творческою, формирующею силою.—Итакъ, нельзя смотрѣть на общество, какъ на организмъ, потому что формы организмовъ производятся природою,—рождаются (вѣдь природа значитъ рожденіе), а государство не рождается, а постепенно сиюю человѣческаго генія образуется. Общество, получившее опредѣленную форму—не организмъ, а только *организация*.

Тѣ, которые отвергаютъ такъ называемую органическую теорію общества, теперь такъ опредѣляютъ предметъ *соціологии*. Предметомъ этой науки, говорятъ, должно быть взаимодействіе (главнымъ образомъ психическое) членовъ общества. И въ отношеніи этого опредѣленія необходимо сдѣлать поправку и разумѣется не въ духъ эволюціонизма. Не самое взаимодействіе членовъ общества, совершающееся незамѣтно и теряющееся въ такихъ мелочныхъ подробностяхъ, коорыхътъ ни выслѣдить, ни изучить невозможно, а только формы болѣе или менѣ постоянныя, формы взаимодействія душъ человѣческихъ, могутъ быть наблюдаемы и изучаемы. Таковы формы: *бытъ семейный, бытъ родовой, сословный бытъ, корпоративный, или профессиональный*. Выше разъяснено было, что сложность сама по себѣ не есть признакъ ни усовершенія, ни относительнаго совершенства, а только можетъ соединяться съ нѣкоторымъ усовершеніемъ и совершенствомъ. Между тѣмъ, при рѣшеніи соціологическихъ вопросовъ, различіе въ степени сложности обыкновенно *трактруется какъ различіе въ степени совершенства: выходитъ такъ, что чѣмъ сложнѣе извѣстная форма или состоя-*

Труда Киевской дух. акад. т. III. 1905 г.

ніе жизни, тѣмъ совершеннѣе. Такъ, напр., семейная жизнь менѣе сложна, чѣмъ жизнь собственно общественная. На этомъ основаніи ограниченіе своей дѣятельности интересами семейнаго быта для просвѣщенной женщины представляется унизительнымъ, умаляющимъ ея достоинство. Общественная дѣятельность—хотя бы и незначительная, съ этой точки зрѣнія представляется болѣе почетною, нежели хозяйственная и воспитательная дѣятельность въ семьѣ. Такая неправильная оцѣнка дѣятельности по степени сложности,—при томъ же не самой дѣятельности, а только того круга общественнаго, къ которой дѣятельность относится и придаетъ женскому вопросу ту остроту, которой, разумѣется, не было бы, если бы этотъ вопросъ ставился исключительно на почвѣ практической и никакъ не въ связи съ эволюціонной теоріей.

Жизнь городская, какъ болѣе сложная, также считается совершеннѣе деревенской; поэтому, утратившіе человѣческій образъ бездомные и ни къ чему не могущіе себя пристроить герои Максима Горькаго, какъ принадлежаніе къ болѣе цивилизованному городскому населенію, должны быть поставлены выше деревенскихъ мужиковъ-земледѣльцевъ.

Постепенное усложненіе общественнаго устройства, именно усложняющее дифференцированіе, интегрированіе въ этой области, по эволюціонной теоріи, состоитъ въ томъ, что первобытное раздѣленіе общества на замкнутыя касты смѣняется болѣе смягченнымъ и подвижнымъ раздѣленіемъ на сословія, а послѣднее также, въ свою очередь, мало-по-малу отходитъ въ область прошлаго, уступая мѣсто болѣе подробно дѣленію по занятіямъ, или профессіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе между отдѣльными народами все болѣе уступаетъ мѣсто взаимообщенію народовъ; единство занятій, интересовъ, вообще единство цивилизаціи сближаетъ между собою людей, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, а этимъ намѣчается идеаль будущаго общечеловѣческаго

братства. Конечно, такое состояніе общественности, которое простирается бы на все человѣчество, обнимало бы все народы, не можетъ имѣть никакой опредѣленной единой формы: нельзя представить все человѣчество въ видѣ единого государства. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что прогрессъ состоитъ не въ томъ, что общежитіе получаетъ опредѣленную форму, а скорѣе въ устраненіи всякой формы; вмѣсто формы является все болѣе усложняющаяся *ассоціація*. Такое заключеніе нельзя признать вѣрнымъ. Обращаютъ вниманіе на то, что одна форма общежитія устраняется вслѣдъ за другою, но опускается изъ виду, что на мѣсто одного формирующаго начала при этомъ постепенно выступаетъ другое болѣе прочное начало: по мѣрѣ ослабленія сословныхъ разностей, съ самаго начала новой исторіи, все болѣе выступаетъ и получаетъ господство принципъ національности. Поэтому идея общечеловѣческаго братства въ смыслѣ общежитія, свободного отъ всякихъ формальныхъ началъ, есть праздная мечта, не имѣющая для себя никакого реальнаго основанія. Или общежитіе, долженствующее обнять все человѣчество, будетъ имѣть форму (т. е. правила), въ такомъ случаѣ всегда найдутся такіе, которые будутъ отрицать эту форму, или будетъ состояніемъ безформеннымъ. Но это значить, что будетъ лишено всякихъ общественныхъ связей, слѣд. не будетъ братствомъ. Естественныя же влеченія (симпатія) могутъ образовать только небольшія группы.

Форма есть выраженіе начала дѣйствующаго цѣлесообразно, начала духовнаго, которое противоположно матеріальной сторонѣ жизни. Подъ формою разумѣется здѣсь не произвольно измышленный порядокъ, а то направленіе или тотъ строй духовнаго бытія, который образуется дѣйствіемъ организующихъ духовныхъ силъ жизни. Въ матеріальной сторонѣ жизни мы дѣйствительно видимъ сложность и постепенное усложненіе. Говорятъ, что по мѣрѣ развитія жизни умно-

жаются потребности. На самомъ дѣлѣ не потребности умножаются, а умножаются и дѣлаются болѣе разнообразными *средства* къ удовлетворенію потребностей. Законъ, свойственный духовной сторонѣ жизни, состоитъ, напротивъ, не въ усложненіи, а въ стремленіи къ единству и цѣльности. Духовно человекъ, при всѣхъ перемѣнахъ, остается все тѣмъ же. Матеріальныя условія жизни, обстановка, — теперь совсѣмъ иныя, чѣмъ были прежде; но въ умственной сферѣ древніе намъ столь же близки, какъ и современники наши. Эволюціонная теорія обращаетъ вниманіе лишь на матеріальную сторону жизни. Такъ называемый экономическій или историческій матеріализмъ прямо выставяетъ въ качествѣ принципа то положеніе, что въ исторіи наиболѣе важенъ и заслуживаетъ преимущественнаго изученія матеріальный прогрессъ, что въ этомъ сущность культуры. Въ связи съ этимъ находится преобладаніе въ настоящее время экономическихъ понятій и взглядовъ. Съ точки зрѣнія экономической все разсматривается, даже мышленіе. Принципъ раздѣленія труда, имѣющій большое значеніе въ области экономической, считается всеобщимъ закономъ жизненныхъ явленій. Всякаго рода производительность и въ научной области, и въ художественной, *называется просто работою*; это значитъ, что преимущественное вниманіе обращается на процессъ труда, какъ элементъ соответствующій понятію эволюціи, а не на форму и продуктъ труда; всѣ производители образуютъ одинъ общій классъ рабочихъ. Отъ исключительнаго вниманія къ матеріальной сторонѣ жизни и пренебреженія къ изученію и разработкѣ гораздо болѣе важной — идеальной или духовной ея стороны происходятъ тѣ бѣдныя всѣмъ въ глаза явленія, которыя можно признать характеристическими для нашего времени. Едва ли когда было столько яркихъ противорѣчій и контрастовъ, какъ въ наше время, которое поэтому одними чрезмѣрно восхваляется, а другими столь же

безмѣрно охуждается и порицается. Одни указываютъ на поразительные успѣхи цивилизаціи, на быстрое развитіе и повсемѣстное распространеніе культуры, на смягченіе нравовъ, на господство гуманности, другіе же въ самыхъ яркихъ краскахъ изображаютъ пустоту жизни, пошлость интересовъ, измелчаніе челоуѣчества. Въ особенности поразительно вотъ какое противорѣчіе. Никогда, кажется, не было болѣе развитъ духъ общенія во всѣхъ сферахъ труда; достаточно упомянуть о постоянныхъ сѣздахъ разнаго рода дѣятелей, о выставкахъ, которыя привлекаютъ людей, можно сказать, со всѣхъ концовъ міра, о небываломъ никогда прежде въ такихъ размѣрахъ оживленіи международныхъ сношеній и официальныхъ и частныхъ, объ устройствѣ всякаго рода постоянно дѣйствующихъ обществъ: духъ общественности до такой степени возобладавъ, что рѣшительно всѣ хотятъ быть участниками въ какой-либо дѣятельности общественной. Обмѣнъ дѣловыхъ свѣдѣній, мыслей и чувствъ быстро совершается въ огромныхъ размѣрахъ; можно сказать, что исторія дѣлается не скрытыми таинственными путями, но на виду у всѣхъ. Это только одна сторона современнаго состоянія. Посмотримъ на другую. Принципъ раздѣленія труда, которому теперь придается такое важное значеніе, все болѣе развиваясь, привелъ, наконецъ, къ такой спеціализаціи труда, что каждому дѣятелю приходится ограничивать себя самыми узкими и тѣсными предѣлами: рабочій на фабрикѣ постоянно исполняетъ такую незначительную и мелкую часть общаго дѣла, что трудно даже имѣть ему ясное общее представленіе о дѣлѣ, которому онъ служитъ въ полномъ его составѣ, ученый спеціалистъ ограничиваетъ свои постоянныя занятія столь узкими предѣлами, что не въ состояніи овладѣть въ достаточной полнотѣ даже тою наукою, къ которой относится его спеціальность, а необходимы для каждаго общественнаго дѣятеля, общія воззрѣнія, сужденія и взгляды, по основнымъ вопро-

самъ жизни, приходится просто заимствовать изъ газетъ и журналовъ вмѣсто того, чтобы вырабатывать ихъ своими силами. Отсюда такъ мало серьезной критики въ наше время, такое легковѣріе въ отношеніи ко взглядамъ распространеннымъ, т. е. распространяемымъ въ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ господство въ настоящее время производства машиннымъ способомъ, вмѣсто бывшаго прежде ручного труда, оказываетъ такое подавляющее дѣйствіе на жизнь, что аккуратность, исправность и машинообразная точность во всемъ сдѣлались главными требованіями; поэтому, можно сказать, что мы не живемъ, а какъ-бы несемъ на себѣ бремя жизни; удивляться ли тому, что такъ часты самоубійства, столь распространены болѣзни нервныя и душевныя. Крайне желательны серьезность, трудолюбіе и настойчивость во всемъ, и въ ученіи, и въ исполненіи должностныхъ обязанностей. Но качества эти не могутъ быть добыты принужденіемъ, давленіемъ чисто механическимъ насильственнымъ. Вмѣсто серьезности и дѣловитости преобладаніе механическаго труда и сообразнаго съ тѣмъ машинообразнаго жизненнаго строя рождаетъ лишь страсть къ развлеченіямъ, и какъ послѣдствіе этой страсти жажду обогащенія во что бы то ни стало; страсть къ развлеченіямъ и серьезныя занятія обращаетъ въ простое препровожденіе времени. Несомнѣнно, что главная причина столь яркихъ противорѣчій нашего времени заключается въ игнорированіи важнаго различія между духовными, иначе идеальными и матеріальными интересами, между духовною и тѣлесною сторонами человѣческаго существа. Эволюціонизмъ, которому принадлежитъ такое обширное вліяніе въ наше время все обезразличиваетъ, ко всему прилагаетъ одну мѣрку, научаетъ индифферентно относиться къ жизненнымъ явленіямъ, ничему не удивляться, ничего ни одобжать, ни порицать. На самомъ же дѣлѣ постепенное усложненіе можно признать закономъ единственно только въ-

теріальной стороны жизни. Но въ области духа господствуетъ иной законъ. Здѣсь закономъ, какъ сказано, является стремленіе къ единству и сосредоточенности. Духъ челоѣка въ умственной сферѣ проявляетъ себя тѣмъ, что разнообразное сводитъ къ единству, сложное возводитъ къ простому, во всемъ ищетъ яснаго, простого и согласнаго. Съ точки зрѣнія духовнаго развитія важнѣе всего принципы, основныя начала, которыя всегда просты. Сложность и разнообразіе относятся къ обнаруженіямъ принциповъ, къ отдѣльнымъ фактамъ, а не къ законамъ. Извѣстно, что философы всегда сложности и многообразію жизни предпочитали простоту и скромность привычекъ. Пушкинъ сказалъ вѣрно, что служеніе музамъ не терпитъ суеты, а служеніе музамъ—это вся духовная дѣятельность простая и единая во всемъ много-различіи своихъ проявленій. Разнообразіе, если въ немъ нѣтъ единства, только утомляетъ и разсѣиваетъ. Недаромъ когда то у насъ было такъ много говорено объ *опрощеніи* (идеалъ противоположный усложненію). Въ эгихъ рѣчахъ проявилась нѣкоторая догадка объ истинѣ.

Нигдѣ, быть можетъ, не выступаетъ съ такою ясностію и не имѣетъ такой важности разность между явленіями духовной стороны жизни и явленіями стороны матеріальной,—какъ въ дѣятельности педагогической. Иное дѣло физическое воспитаніе, тѣлесныя гимнастическія упражненія и опять иное дѣло развитіе умственное, духовное. Задачи того и другого воспитанія и образованія разными способами и помощію разныхъ средствъ выполняются. Но эволюціонная теорія оказываетъ свое вліяніе и на пониманіе школьнаго дѣла. И приспособленіе къ условіямъ жизни и неизбежная для каждаго въ жизни борьба за существованіе, и сложность современной жизни, требующая будто бы сложнаго образованія, отъ чего происходитъ многопредметность школьной программы и разнообразныхъ знаній—все идетъ въ ходъ. «Формальный элементъ, всегда

имѣвшій важное значеніе въ умственномъ развитіи, по возможности устраняется. Формальному развитію ума предпочитается усвоеніе реальныхъ знаній. Между тѣмъ, какъ въ организмѣ тѣлесномъ важное значеніе имѣетъ устройство, т. е. форма, на которую постоянно наталкивается эволюціонная теорія, столь же важное значеніе принадлежитъ формальной дѣятельности мышленія въ строѣ душевной или духовной жизни. Важно, поэтому, возбуждать и развивать мышленіе. Теперь много говорятъ о волѣ, о необходимости ея развитія и укрѣпленія. Но человекъ, лишенный всякихъ убѣжденій, не можетъ обладать крѣпкою и сильною волею. А безъ мыслительной работы можно ли пріобрѣсти какія либо убѣжденія.

Выше показано, что въ понятіи развитія эволюціонная теорія обращаетъ главное вниманіе на начальный исходный пунктъ развитія, а не на конечный. Между тѣмъ, только конечный пунктъ въ ряду перемѣнъ, составляющихъ процессъ развитія, именно и даетъ этому ряду перемѣнъ характеръ и значеніе развитія, ибо развитіе есть постепенное приближеніе въ порядкѣ восходящемъ къ желаемой цѣли, которая и есть конечный пунктъ развитія. Пока мы только употребляемъ усилія приблизиться къ конечному пункту, къ желаемой цѣли, этотъ пунктъ и цѣль эта представляется намъ какъ идеаль. Итакъ, очевидно, оставая безъ вниманія конечный пунктъ развитія, а признавая существенно важнымъ только начальный пунктъ перемѣнъ, эволюціонная теорія, въ сущности, отрицаетъ возможность и необходимость имѣть какой-либо идеаль. Она, какъ говорятъ, трезво смотритъ на жизнь; она признаетъ важнымъ и необходимымъ только приспособленіе къ даннымъ условіямъ жизни, но не возвышеніе надъ ними. А это значитъ, что эволюціонная теорія, въ сущности, отрицаетъ идею развитія, ибо гдѣ нѣтъ восхожденія отъ низшаго къ высшему тамъ нѣтъ развитія, а только простая измѣняемость, то есть смѣна такихъ пере-

мѣнѣ, изъ которыхъ одна ни лучше, ни хуже другой. Стало быть остается только жить такъ, какъ живетъ. Такого рода пассивность вполне въ духѣ теоріи эволюціонной. Конечно, въ дѣйствительности мало кто такому правилу вполне слѣдуетъ. Но это показываетъ лишь, до какой степени несообразна эволюціонная теорія со свойствами человѣческой натуры. Къ человѣку она не приспособлена, выражаясь языкомъ эволюціонной теоріи, ибо основанія свои она заимствуетъ, прежде всего и даже главнымъ образомъ, изъ природы мертвой, а за тѣмъ, отчасти изъ наблюдений надъ жизненными явленіями низшихъ организмовъ, а также и самого человѣка, но только ограничивая въ этомъ случаѣ поле наблюдений лишь физическими данными, которыхъ, конечно, недостаточно для сужденій о человѣкѣ вообще. Впрочемъ, возможно все-таки жить, какъ живетъ, т. е. вполне въ духѣ эволюціонной теоріи. Но въ дѣлѣ педагогическомъ никакимъ образомъ нельзя обходиться безъ идеала, безъ предварительнаго опредѣленія въ общихъ чертахъ конечной цѣли воспитательнаго и образовательнаго процесса. Поэтому эволюціонная теорія къ школьному дѣлу совершенно не примѣнима; если же и примѣняется,—возврънія, распространенныя въ общественной жизни, не могутъ не воедѣйствовать на школу,—то это можетъ вести только къ пониженію уровня педагогическихъ понятій, къ ослабленію и упадку воспитательнаго и образовательнаго дѣла. Бездушный практицизмъ и реализмъ неизменно въ состояніи лишь разрушить всякіе благородные и чистые зародыши духовной энергіи, изъ которыхъ развиваются высшія стремленія. Говорятъ иногда въ духѣ эволюціоннаго реализма, что развитіе въ молодой душѣ склонность къ идеальничанію и фантазерству значитъ сдѣлать человѣка на всю жизнь жертвою мучительнаго разлада между суровыми требованіями жизни реальной и не имѣющими для себя въ этой жизни никакого оправданія иллюзіями,

чрезмѣрными вождѣленіями. Но это явное недоразумѣніе. Человѣкъ въ юные годы не можетъ обходиться безъ фантастическихъ плановъ и предположеній о будущемъ, но то важно въ какомъ духѣ и направленіи работаетъ фантазія. Реалистическое направленіе духа, именуемое обыкновенно трезвымъ, практичнымъ дѣйствительно можетъ возбудить и воспитать неумѣренныя требованія отъ жизни, направляя вниманіе въ сторону благъ матеріальныхъ. Но стремленія характера идеальнаго требуютъ для осуществленія ихъ, разумѣется по мѣрѣ силъ, въ матеріальномъ отношеніи—не многого. Человѣкъ съ идеалистическимъ настроеніемъ съумѣетъ найти для себя удовлетвореніе и въ самомъ скромномъ положеніи.

Важнѣйшій признакъ серьезно образованнаго человѣка, прошедшаго хорошую школу и много потрудившагося надъ развитіемъ, разработкою своихъ духовныхъ силъ—это умѣнье различать главное отъ второстепеннаго и менѣе важнаго. Такое умѣнье даетъ возможность сложное упрощать, въ разнообразномъ и пестромъ зрѣлищѣ природы и жизни усматривать простые, основныя законы и начала и все болѣе или менѣе сводить къ нимъ и ими освѣщать. Исторія наукъ свидѣтельствуетъ, что теоріи наиболѣе сложныя и запутанныя оказывались невѣрными, а теоріи болѣе простыя и не столь сложныя болѣе близки къ истинѣ. Единство и стремленіе къ единству—вотъ важнѣйшая черта человѣческаго духа. Единство и сосредоточенность сознанія дѣлаютъ духъ человѣка сильнымъ, способнымъ къ твердости, самообладанію и постоянству. Худо, если центръ душевный усложненіемъ жизни подавленъ и ослабленъ; тогда вмѣсто единства и гармоніи является въ душѣ хаосъ. Итакъ, допустимъ, что въ области матеріальныхъ интересовъ и мілсной природѣ сложность и усложненіе означаетъ развитіе, усовершеніе. Но въ области духа—простога важнѣе. Поэтому нельзя не желать, чтобы

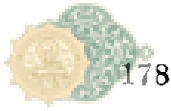

во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ жизненныхъ было какъ можно болѣе ясности, простоты и прямоты. Въ заключеніе остается разъяснить,—почему заслуживаетъ особаго вниманія то, господствующее нынѣ, пониманіе развитія, которое извѣстно подъ названіемъ эволюціонизма, ученія объ эволюціи, и почему важно убѣдиться въ неправильности этого пониманія процесса развитія.

Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія эволюціонизма, т. е. понятія о развитіи расширеннаго въ смыслѣ всеобщей измѣняемости, въ смыслѣ закона или принципа дѣйствительности вообще,—исчезаетъ важное для человѣческой жизни различіе между основными ея началами и временными состояніями, переходными ея фазами. Утверждая всеобщую измѣняемость, какъ основной законъ дѣйствительности, эволюціонизмъ чрезъ то и жизнь человѣческую, можно сказать, все бытіе человѣчества, всю его исторію, превращаетъ въ одну изъ переменъ, въ отдѣльный моментъ мірового бытія. Понятно, что съ этой точки зрѣнія различіе между основными началами или формами человѣческой жизни и ея переходными состояніями оказывается не имѣющимъ существенной важности, ибо состоитъ лишь въ неодинаковой продолжительности во времени. Такія формы жизни, какъ семья, государство, не говоря уже о раздѣленіи общества на классы, сословія, обыкновенно признаются столь необходимыми и существенно важными, что, помимо этихъ формъ, нормальное теченіе и состояніе человѣческой жизни представляется немыслимымъ. Съ точки же зрѣнія эволюціонной,—такъ какъ самыя эти формы въ разное время у того же народа и въ одно время у разныхъ народовъ являются въ неодинаковомъ видѣ, слѣдовательно, подлежатъ измѣняемости, то и вообще не необходимо существуютъ, такъ что человѣчество можетъ обходиться и безъ этихъ формъ своего общежитія. Или возьмемъ не формы быта, а формы дѣятельности,—это

суть религія, наука, искусство, промышленность. И эти формы, по всей видимости, составляют необходимую принадлежность человеческой жизни; конечно, какъ все человѣческое, формы эти подлежатъ закону развитія; сначала существуютъ какъ бы въ зачаточномъ несовершенномъ состояніи, затѣмъ постепенно усовершеняются, и если та или иная форма жизнедѣятельности человеческой приходитъ въ упадокъ, то вѣдь такое состояніе обыкновенно признается нарушеніемъ нормальнаго теченія человеческой жизни, отступленіемъ отъ нормы, состояніемъ несовершеннымъ. Но такая характеристика жизненныхъ состояній, какъ предполагающая принципъ цѣлесообразности, съ точки зрѣнія эволюціонизма, отвергающаго этотъ принципъ, недопустима. Понятія о совершенномъ и несовершенномъ, объ упадкѣ и восхожденіи на степень высшую эволюціонизмъ отрицаетъ, какъ субъективизмъ; съ объективной же точки зрѣнія, жизнь представляетъ смѣлу состояній ни хорошихъ, ни худыхъ, ибо *одинаково необходимы*: если религіозная вѣра теперь въ упадкѣ, то значить время для нея прошло или проходить и напраснымъ было бы трудомъ пытаться возстановить прежнее; правда, какъ бы по инерціи продолжается и въ которое время существованіе того, что уже пережито, но главное русло, наиболѣе энергичное теченіе жизни идетъ мимо этого пережитка старины. Такъ слѣдуетъ разсуждать, если руководиться ученіемъ объ эволюціи, какъ необходимымъ закономъ дѣйствительности. Въ духѣ этого ученія слѣдуетъ утверждать, что настанетъ конецъ также и для такихъ формъ дѣятельности, какъ искусство и наука, и чтожъ? Слѣдуетъ ли признать желательнымъ такое состояніе человѣчества, когда не будетъ ни религіи, ни искусства, ни науки, а будетъ развѣ только одна промышленность и то, въ мѣру необходимости,—настолько, чтобы могло существовать общество. Это, конечно, будетъ состояніе равенства и братства, по та-

кое ли равенство желательно? Эволюціонистъ можетъ сказать на это слѣдующее: уместно говорить лишь такъ, что къ этому, а не иному направляется ходъ исторіи, что эволюція человѣческой жизни неминуемо произойдетъ такъ или иначе, что отъ насъ зависитъ замедлить, либо ускорить прогрессъ общественной жизни, а совершенно измѣнить ходъ исторіи мы не можемъ. Но если не слѣдуетъ различать совершеннаго состоянія жизни отъ несовершеннаго, нормальнаго отъ ненормальнаго, возвышенія отъ упадка, то равнымъ образомъ не слѣдовало бы также говорить о прогрессѣ и регрессѣ. Съ другой стороны, если въ нашей власти задерживать или ускорить эволюцію жизни, то и это много значить; достаточно и этого, чтобы усомниться въ правильности эволюціоннаго взгляда на жизнь человѣческую. По теоріи Дарвина формы организмовъ измѣняются, т. е. преобразуются съ необычайною медленностію, такъ медленно, что за весь историческій періодъ человѣчества не замѣчено ни малѣйшаго измѣненія существующихъ органическихъ формъ. Если эволюція есть общій законъ природы и потому одинаково повсюду дѣйствуетъ, то слѣдуетъ полагать, что начала человѣческаго бытія, формы жизни и дѣятельности человѣческой должны бы измѣняться съ такою же медленностію. Но къ удивленію къ формамъ человѣческой исторической жизни прилагается совсѣмъ иная мѣрка: оказывается, напр., по ученію Конта, что въ исторіи умственного развитія человѣчества уже пройдены періоды теологическій (т. е. религіозный) и метафизическій, а теперь уже наступилъ періодъ господства науки. Другіе изъ эволюціонистовъ религіозное міросозерцаніе считаютъ принадлежностію средневѣковой эпохи; если такъ скоро протекла эпоха религіознаго быта, то надо полагать, что съ не меньшею и даже, пожалуй, съ большею скоростію человѣчество переживаетъ господство науки и затѣмъ настанетъ періодъ невѣжества и варварства.

Чтобы оправдать такую скорость эволюціи въ области явленій человеческого бытія, говорятъ, что съ теченіемъ времени ходъ исторической эволюціи въ человеческой жизни все болѣе ускоряется. Но почему же это такъ? Отчего мы не видимъ такого же ускоренія въ природѣ? Не зависитъ ли это ускореніе отъ человеческой воли. И если точно это есть результатъ добровольныхъ и намѣренныхъ человеческихъ усилій, то эволюція очевидно не есть необходимый, самъ по себѣ помимо человеческой воли дѣйствующій законъ, а есть только мысль, идея, прилагаемая къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ явленій человеческой жизни, а самое ускореніе едва ли можно считать признакомъ утѣшительнымъ. Дѣло въ томъ, что, какъ сказано въ началѣ нашего разсужденія, всякая созидательная, творческая перемѣна, дѣйствительное, а не воображаемое развитіе происходитъ медленно, постепенно, съ большимъ трудомъ осуществляется, а быстро происходитъ только процессъ разрушенія. Впрочемъ, эволюція, какъ она понимается эволюціонистами, должна означать и то и другое, и созиданіе и разрушеніе, — даже скорѣе послѣднее, чѣмъ первое.

П. Линицкій.